

ЛѢТНІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Непривѣтливо встрѣтилъ насъ старикъ Псковъ. Несмотря на середину мая мѣсяца, сѣрое холодное утро, мелкій частый дождь и рѣзкій пронизывающій вѣтеръ. Всѣ эти явленія капризной сѣверной весны какъ бы задались цѣлью подчеркнуть наше неблагоразуміе, заключавшееся въ томъ, что одѣты мы были совершенно по весеннему. Особенно ощутительно эта оплошность сказывалась на моемъ товарищѣ, выѣхавшемъ въ поле налегкѣ и тщетно старавшемся закутаться потелѣе въ тонкій плащъ. Если непостоянство погоды давало себя чувствовать въ городѣ, гдѣ такъ или иначе, но свободный вѣтеръ не имѣлъ особаго простора, то въ полѣ, куда мы попали черезъ 2—3 часа послѣ высадки изъ вагона, было еще хуже и только наличие въ экипажѣ фордека нѣсколько скрашивало наше незавидное положеніе.

Мы медленно двигались по ухабистой «канавной дорогѣ», неблагоустроенность которой вызывала цѣлые потоки неудовольствія нашего возницы.

— Эхъ! народъ то какой, ворчалъ онъ, ловко маневрируя между кучами матеріала, заготовленнаго для ремонта дороги; не могутъ пути въ порядкѣ держать! На такую дорожищу навозили по корзинѣ песку, да щебня чуть не на версту и думаютъ этимъ отыгаться. Да тутъ еще, слава Богу, хотъ какъ нибудь тащисься, а вотъ какъ съѣдемъ съ канавной дороги на полевою, такъ совсѣмъ плохо будетъ. Въ края то вы, господа, болотные попали, продолжалъ словоохотливый возница.

— Развѣ?

— Да какъ же! Вотъ теперъ вправо отъ насъ болото Великое на сколько верстъ протянулось, а тамъ за нимъ опять малыя болота, какъ разъ у васъ въ районѣ. И что за народъ такой, вновь принялся возница за упреки, но мы съ товарищемъ уже не слушали, а подъ мѣрное его ворчанье задремали...

— Ну, вотъ и пріѣхали! обернулся словоохотливый извозчикъ, вѣроятно понявшій истинную причину нашего молчанія.

— Какъ? Развѣ уже пріѣхали?

— А вотъ ваша деревня, указалъ онъ кнутомъ на одну изъ многочисленныхъ деревушекъ, выглядывавшихъ изъ лоцины.

Мы свернули съ «канавной дороги» и поѣхали проселкомъ, поминутно попадая въ обширныя лужи. При вѣздѣ въ деревню извозчикъ опять не приминулъ пожурить народъ за неисправность моста, который вызывалъ у него опасенія за цѣлость рессоръ. Наконецъ и это послѣднее препятствіе пройдено и мы свернули въ узенькую кривую улечку деревни К.

— Надо полагать, что лучше этой избы вы здѣсь не найдете, указалъ извозчикъ на довольно опрятную съ виду избу и повернулъ ко двору. Ворота были наглухо закрыты изнутри и, на лязгъ громаднаго желѣзнаго кольца, со двора послышался хриплый лѣнивый лай пса, не рѣшившагося, повидимому, вылѣзть изъ своего убѣжища на дождь. Въ то же самое время съ грохотомъ распахнулось одно изъ оконъ, выходящихъ на улицу, и старая, подслѣповатая бабка стала внимательно всматриваться въ насъ, устройвъ

одной рукой что-то въ родѣ козырька надъ слезящимися и, повидимому, плохо служащими ей глазами.

— А что, бабушка, можно у васъ на квартиру стать? обратился я къ ней съ вопросомъ.

— Отчего же, родимый, не можно? Пожалуйте! привѣтливо отозвалась старуха и сейчасъ же обратилась къ кому то въ избу: Марья, а Марья, ослобони новую избу то, тамъ господа стануть, да ворота надо отпереть!

Ладно! послышался откуда то голосъ и черезъ минуту крупная круглолицая дѣвка распахнула сначала калитку, а потомъ и ворота, привѣтливо раскланиваясь съ нами...

Мы вошли въ избу. Комната довольно просторная и чистая; кругомъ по стѣнамъ высокія лавки; въ святомъ углу три громадныхъ образа, украшенные яркими бумажными цвѣтами. Справа у образовъ дешевая фотографія, на которой красовались три солдата. У одного изъ нихъ на колѣняхъ лежала громадная гармонія, растянутая какъ бы во время игры, а два другіе, стоявшіе по сторонамъ, держали по одной рукѣ на плечахъ гармониста. Съ другой стороны образовъ висѣла какая то картина, до того засиженная мухами, что разсмотрѣть что либо на ней не было никакой возможности. Налѣво у входа въ избу добрую половину ея занимала громадная русская печь. По стѣнамъ, на гвоздяхъ съ надѣтыми на нихъ телефонными и телеграфными изоляторами, висѣли шубы и изрядное количество юбокъ и кофточекъ. Слѣдомъ за нами въ избу вошла старуха хозяйка, а за ней и Марья.

— Ну, какъ мы съ тобой, бабушка, условимся о квартирѣ? Сколько ты съ насъ будешь брать, да вотъ еще придуть наши два солдата?

— Како-ое тамъ брать! протянула недовольно старуха. Живите себѣ на здоровье; что вы обживете что ли насъ? И, не взирая ни на какіе протесты съ нашей стороны, старуха наотрѣзъ отказалась вести разговоры о какой бы то ни было квартирной платѣ. Та же участь постигла и переговоры о довольствіи, какъ нашемъ такъ и солдатскомъ: не объѣдите насъ, заявила старуха.

— У тебя что же семья то большая, бабушка?

— А вотъ старикъ то мой померъ, осталась я, три сына, дочь да жена средняго сына.

— А два другіе не женаты?

— Нѣтъ! Старшой не хочетъ, а младшой на службѣ еще въ городѣ Владивостокѣ.

— Далекo!

— Далекo, родимый, гораздо далекo. Изъ нашихъ краевъ прежде всегда въ Манчжурію всѣхъ отправляли, а нынѣ стали много во Псковъ да въ Новгородъ брать, а мой угодилъ то куда!

— Ну, а старшій то твой сынъ гдѣ?

— Старшій въ Питерѣ на каменныхъ работахъ.

— Что же довольна ты, бабушка, сыновьями?

— Да что, родимый, грѣха таить—старшой то, хоша и помогаетъ деньгами, а вотъ балуется винищемъ-то. Ну а младшіе два, что дѣвки красныя: ни-ни-ни. Это уже, баринъ, такъ всегда бываетъ: покуда челоувѣкъ не побываетъ въ городѣ—ничего, а какъ черпнетъ этой жизни—конецъ. Теперь старшаго на деревню то и калачами не заманишь, вотъ онъ и откушается отъ сохи и отъ бороны.

— А сколько же онъ онъ тебѣ присылаетъ?

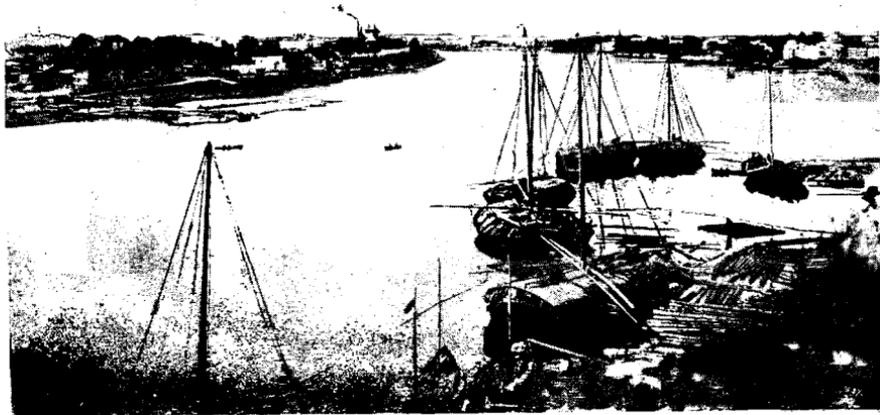
— Что Бога гнѣвить—за годъ сотняги двѣ вышлетъ, ну и самъ всегда при деньгахъ и одѣтъ то по городскому...

Разговоръ нашъ былъ прерванъ входившими въ избу солдатами, доложившими о прибытіи вещей.

Внимательно присматриваясь къ окружающимъ насъ людямъ и сравнивая ихъ съ обитателями Петербургской губерніи, коихъ пришлось наблюдать прошлый годъ цѣлое лѣто, нельзя было не обратить вниманія на громадную разницу, существующую между жителями этихъ двухъ сосѣднихъ губерній. Вѣдь, казалось бы, далеко ли отъ Пскова, положимъ, до Луги, а люди совершенно иные. Не встрѣчали насъ въ деревнѣ, какъ въ прошломъ году, толпы полупьяныхъ мужиковъ съ требованіемъ «на чай»; не врывались въ избу, съ такими же притязаніями, ребята; не приходили со своими жалобами хнычація бабы; отъ дѣтвора за всѣ съемки ни разу не пришлось слышать просьбы «баринъ, дай копеечку». Самъ по себѣ народъ какъ внѣшнимъ видомъ, такъ и образомъ жизни, производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, нежели въ Петербургской губерніи: красивые довольно рослые мужики, болѣе крупныя и тоже красивыя бабы. Деревни выглядятъ привѣтливѣй: съ одной стороны въ крестьянскихъ постройкахъ видна большая зажиточность, а съ другой—наличіе почти у каждой избы

Видъ со стѣны дѣтинца на рѣку Пскову.

Видъ со стѣны дѣтинца на рѣку Великую.

садовъ, сплошь залитыхъ густымъ, бѣлымъ, какъ снѣгъ, цвѣтомъ, придаётъ деревьямъ живописный видъ. О какихъ либо ночныхъ безчинствахъ молодежи нѣтъ и помину; въ будній день ни разу не пришлось слышать ни гармоніи, ни пѣсни. Какъ-то около 10 ч. вечера возвращались мы отъ сосѣда по съемкѣ. Въ пути пришлось проходить 5—6 деревень. На дворѣ было совершенно свѣтло—прямо хотъ бери планшетъ и иди на работу. Пройдя всѣ деревни, мы не встрѣтили ни единой души: кругомъ сонное царство нарабатывагося за день люда; даже крестьянскіе сторожа—псы и тѣ не нарушали тишины.

Въ воскресенье мужики, по заведенному русскому обычаю, собрались на заваленкѣ у одной изъ хатъ. Подхожу. Всѣ до единого привѣтливо снимаютъ шапки, здороваются и приглашаютъ садиться. Разговорились о томъ, о другомъ. Слышны обычныя жалобы на недостатокъ земли и на неособенную плодородность ея, но все это высказывается спокойно, безъ какого бы то ни было озлобленія. Изъ всѣхъ собесѣдниковъ на меня произвелъ непріятное впечатлѣніе только одинъ: юркій, повидимому, «бывалый» и «тертый калачъ», щеголеватый и довольно развязный мужиченка лѣтъ подъ 35. Въ тонѣ его разговоровъ рельефно проглядываетъ что-то напускное, о чемъ онъ и самъ то себѣ, повидимому, не всегда ясно можетъ дать отчетъ. Попытался было онъ завести разговоръ о постановкѣ рабочаго вопроса въ Америкѣ. Самое выступленіе это было какое то неумѣстное, не относящееся къ общей темѣ разговора, а окончаніе разговора приняло даже нѣсколько комичный характеръ.

— Вотъ, значить, въ Америкѣ-то все дѣло хорошо, потому что тамъ за каждую, значить, вещь рабочему, помимо подѣльной платы, и наградныя-то выходятъ, такъ тоо!.. протанулъ рассказчикъ.

— А ты тамъ-то былъ? вставилъ кто-то изъ слушателей.

— Быть-то не былъ, а слыхалъ, значить, и читалъ.

— Такъ, хорошо, говоришь, тамъ? продолжалъ свой допросъ мужикъ съ лукавымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Хоорошо! убѣдительно протанулъ рассказчикъ.

— Ну, вотъ ты бы и валилъ въ еву самую Америку: тебѣ бы было тамъ хорошо да и мы бы твоею землею попользовались; оно, значить, и намъ-то лучше....

Мужики дружно захохотали, а «американецъ», какъ-то не ловко заерзалъ на заваленкѣ и только что хотѣлъ что-то сказать въ свое оправданіе, какъ одинъ изъ слушателей перебилъ его:

— Какой изъ няво мериканецъ-то, небось хуже буде, чѣмъ служака-то въ Манчжуріи вышелъ.

— А онъ развѣ тамъ былъ? задалъ я вопросъ.

— Быть-то былъ, да только, кажись, того и дослужился, что казаки плетями спину-то исполосовали.

— Ну, вотъ и неправда! возмущился «американецъ». Что неправда, ваше б-діе, такъ оно того, значить, неправда. Пригнали, значить, въ городъ Владивостокъ, почитай, къ самому концу войны; поставили въ строй и давай муштровать. Войны, значить, нѣту, а муштра-то да караулы идутъ. Тутъ, значить, вышло замиреніе. Мы какъ-то порѣшили, значить, не итить въ карауль. Приходить, значить, фельдфебель и грить:

— Робята! Стройся у карауль!

— Не хотимъ, значить!

— Почемууу?...

— Домой хотимъ.

Пошелъ фельдфебель къ ротному. Приходить ротной, значить, съ допросомъ: какъ, что, почему? Былъ у насъ такой хохоль заправило: выходить и все, значить, началъ докладывать. Ротной-то, кааакъ ахнетъ яму въ рыло, тотъ и съ ногъ долой. Мы, значить, загалдѣли и къ ротному, а онъ, значить, прибѣгъ-то и кричить молодежи: «робята, въ ружье, въ ружье!...» Ну, а на ту пору приходитъ баталіонный, прелюбезный, значить, господинъ и грить: «робятушки! пойдите, значить, въ карауль еще разикъ, а тамъ мы васъ отдѣлимъ и никуда наряжать не будемъ». Ну, пошли мы, отнесли карауль, потомъ насъ отъ молодняка отдѣлили, поставили на островъ и жисть-то пошла свободная. Тааакъ-то! Никакихъ, значить, казаковъ и плетей то и не было! закончилъ неувѣреннымъ тономъ рассказчикъ.

— Нѣтъ, Андрей, што-то ты тутъ пропускаешь, вставилъ одинъ изъ слушателей. Ты покайся ужъ намъ, какъ попу-то на исповѣди.

-- Да, попу-то, да небось еще и нашему, огрызнулся «американецъ». Всѣ захохотали.

— А что видно побаиваетесь вы вашего попа или недолюбливаете?

— Да, за что ихъ любить-то? заговорилъ одинъ изъ мужиковъ, довольно благообразный на видъ: куда ни повернись за все плата и плата. Прежде было сколько хошь дашь, а нонѣ на все такія установлена. Вотъ, значить, свадьба меньше пятерки и не носи, похороны — тройка, крестины — рубль али полтину. Устроили

церковно-приходскую школу, говорятъ, молъ, бесплатно будетъ; смотримъ, по рублю съ ребенка и неси. Что же это такое?...

Незамѣтно прошла первая недѣля работы. Намъ нужно было переѣзжать на новые участки. Въ день отъѣзда вызываемъ съ товарищемъ бабу и ея сына для расчетовъ. Начинается старая исторія: мы предлагаемъ деньги, а хозяйка упирается. Наконецъ, еле-еле уговорили взять съ насъ семь рублей, включая сюда и плату за пользованіе подводой во время повѣрки сѣмки, такъ какъ отъ предложенныхъ 10 руб. старуха отказалась наотрѣзъ. Послѣ такого расчета, я вспомнилъ со своимъ компаніономъ нашихъ прошлогоднихъ хозяевъ, ихъ односельчанъ и случай, какъ пьяный мужикъ явился требовать 25 руб. за то, что одинъ изъ насъ поставилъ въ трубу нежилого и не принадлежащаго ему дома вѣху.

Вся симпатичная семья нашей нынѣшней хозяйки прощалась съ нами, какъ съ близкими людьми. Особенно трогательное прощанье было съ солдатами. Старуха глядѣла на нихъ, вспоминала своего служиваго и въ послѣдній разъ старалась накормить своихъ гостей особенно сытно.

Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось разговаривать съ моимъ солдатомъ, то оказалось, что бабу взяла съ нихъ за все время ихъ пребыванія меньше, чѣмъ по гривеннику въ день, и то лишь по настоянію солдатъ.

— А и кормила-то вина якъ насъ! рассказывалъ мнѣ мой лѣнивый и обжорливый хохоль; одного холодца-то, ваше б-діе, сколько мы съ Микитой (другой солдатъ) зѣли—видимо-невидимо; опять-таки молока ишь зколько хошь. Каждый день вареное два раза, да увсе зъ мясомъ.

— А откуда она мясо-то брала? спросилъ я, вспоминая, что старуха, столуя насъ съ товарищемъ изъ своей скромной деревенской кухни, всегда подавала супъ или борщъ съ мясомъ.

— Та вина, ваше б-діе, зимой-то борова заризала, та и засолила, такъ теперъ то мы его, почитай, половину зѣли! рассказы-валъ, облизываясь хохоль.

Въ моментъ отъѣзда я замѣтилъ на лицѣ дочери хозяйки нескрываемое горе.

— Ну, что же, Марья, выходила бы замужъ за моего хохла, подшутилъ я. Вотъ я бы и посаженнымъ отцомъ былъ.

— Да она, ваше б-діе, не такъ за хохла, какъ за Микиту; за того совсѣмъ готова! вставиль, усмѣхаясь, брать.

— Да вѣдь онъ же женатъ!

— Вотъ въ томъ-то и бѣда вся.

Марья во время этого разговора чуть-чуть не разразилась слезами....

При переѣздѣ на новый участокъ, мы остановились дня на два въ Псковѣ. Прежде всего, что обращаетъ на себя вниманіе—это изрядное количество представителей іудейскаго племени. Когда я попалъ въ магазинъ офицерскихъ вещей, еврейчикъ, помимо необходимаго мнѣ темляка, предложилъ и погонны.

— Да вѣдь у васъ нѣтъ же такихъ, какіе я ношу.

— И что такое нѣту? Если нужно господину офицеру, такъ и будутъ, егозиль еврейчикъ.

Что было особенно ощутительно, такъ это отсутствіе сколько-нибудь порядочной гостиницы: всѣ онѣ, съ грѣхомъ пополамъ, могли-бы обслуживать нужды какого-нибудь заштатнаго и отнюдь уже не выше ранга уѣзднаго города; между тѣмъ, волею судьбы, старикъ-Псковъ является губернскимъ центромъ. Какъ на грѣхъ, въ день нашего пребыванія въ Псковѣ, и имѣющіяся въ немъ жалкія гостиницы были переполнены: съ одной стороны—въ корпусѣ, кажется, былъ экзамень, а съ другой—въ это же время въ городъ прибыли офицеры для производства по губерніи конской переписи.

Псковъ—городъ весьма тихій и патриархальный. Уже съ 9-ти часовъ вечера вы рискуете никого не встрѣтить на улицахъ, развѣ только кто-нибудь еще проползетъ въ лѣтній театръ въ городскомъ саду.

— Въ это время, говорилъ мнѣ одинъ изъ старожиловъ Пскова, мы уже зажигаемъ лампадки, молимся Богу и ложимся спать.

Эта патриархальность города во всякомъ случаѣ не лишаетъ его интереса, какъ древняго историческаго центра, дающаго обильный матеріалъ для любителей старины: здѣсь вы сталкиваетесь съ памятниками времени XIII—XIV вѣковъ.

Вотъ колоссальной колонной возвышается надъ городомъ Троицкій соборъ—главная святыня Пскова. Основаніе собора относятъ ко временамъ даже княгини Ольги, хотя отъ того времени врядъ-ли могло что-либо остаться, такъ какъ уже позже храмъ неодно-

кратно разрушался. Во всякомъ случаѣ въ томъ видѣ, въ какомъ эта святыня сохранилась до настоящаго времени, соборъ существуетъ уже съ конца XVII в. и архитектура его представляется отпечаткомъ сѣдой старины. Въ немъ хранится много цѣнныхъ иконъ и другихъ предметовъ. Расположенъ онъ при слияніи рр. Великой и Псковы, за почти развалившейся древней крѣпостной стѣной, носящей названіе дѣтинець, на которой мѣстами имѣются дощечки съ надписями, свидѣтельствующими, что постройка эта ведетъ начало съ XIII-го вѣка. Стѣна, увѣнчанная мѣстами башнями (къ слову сказать, въ одной изъ нихъ, ближайшей къ собору, по видимому, хранится топливо, такъ какъ въ окно изъ-за рѣшетки видны связки хвороста), съ одной стороны спускается къ р. Великой, а съ другой къ р. Псковѣ, сплошь уставленной судами, мачты которыхъ мощнымъ, стройнымъ лѣсомъ тянутся вверхъ. Со стѣнъ открываются отличные виды на р.р. Великую и Пскову, на городъ и на его окрестности. Рѣзко бросается въ глаза громадное количество церквей со старинными оригинальными колокольнями въ видѣ зубчатой стѣны.

Изъ старинныхъ городскихъ зданій особенное вниманіе обращаютъ на себя Поганкины палаты, основаніе которыхъ относятъ къ XVI в. Въ высокихъ стѣнахъ этого зданія разбросаны на разной высотѣ небольшія окна разной величины. Часть палатъ отвѣдена подъ археологическій музей.

На одной изъ улицъ Пскова находится домъ, въ которомъ жилъ А. С. Пушкинъ во время пребыванія въ этомъ городѣ.

На площади близъ Троицкаго собора стоитъ небольшой памятникъ Царю-Освободителю. проектирующійся, къ сожалѣнію, на какой-то сѣрый, мрачный деревянный сарай, во всякомъ случаѣ неукрашающій ни площади, ни памятника.

Не лишень Псковъ и прехорошенькаго загороднаго пункта отдохновенія, коимъ является ресторанъ дачнаго мѣстечка Коротово. До него отъ Пскова какихъ-нибудь 10—15 м. ѣзды на паромѣ или моторной лодкѣ. Новенькое, чистенькое двухъэтажное зданіе ресторана пріютилось подъ сѣнью вѣковыхъ сосенъ на лѣвомъ обрывистомъ берегу р. Великой. Съ балконовъ ресторана открывается видъ на историческіе рѣку и городъ. Рядомъ съ рестораномъ театръ и эстрада для музыкантовъ. Жаль только, что зелени въ саду для сѣвера маловато.

Въ общемъ, два дня, проведенные нами въ Псковѣ, послѣ недѣльнаго пребыванія въ глухой деревушкѣ, не дали намъ впечатлѣ-

нія, на какое можно было бы рассчитывать при посѣщеніи губернскаго города. Къ Пскову вполнѣ примѣнима извѣстная поговорка: «тишь, гладь, да Божья благодать». Единственно что всколыхнуло было патріархальную тишину сѣдовласаго старца, это торжественная встрѣча 93-мъ пѣхотнымъ полкомъ автомобилей, совершавшихъ извѣстный грузовой пробѣгъ въ концѣ мая. Участники пробѣга нашли гостепріимную встрѣчу въ лицѣ офицеровъ полка во главѣ съ ихъ командиромъ, а разряженная по праздничному толпа горожанъ высыпала полюбоваться на красивое зрѣлище прибытія автомобилей.

Двухнедѣльное пребываніе на новомъ участкѣ оставило во мнѣ столь же хорошія воспоминанія, какъ и на первомъ. Правда, если сравнивать съ деревней К., то внѣшній видъ нашей новой деревни нѣсколько проигрываетъ по причинѣ отсутствія зелени, но вообще какъ по зажиточности крестьянъ, такъ и по нравамъ и образу жизни ихъ, и эти края совершенно нельзя сравнивать съ пристольными деревнями, въ которыхъ намъ пришлось провести лѣто минувшаго года. Наблюдая крестьянъ этого раіона, разговаривая съ ними, я пришелъ къ заключенію, что псковичи, во всѣхъ отношеніяхъ, стоятъ несравнимо выше своихъ ближайшихъ сосѣдей Петербургской губерніи. Здѣсь народъ меньше бѣгаетъ отъ тяжелаго земледѣльческаго труда, болѣе здраво смотритъ на развращающую крестьянство фабрику, меньше пьянствуетъ и больше работаетъ. Наблюдая, какія дебри крестьяне постепенно культивируютъ, обращая ихъ въ плодородныя для крайняго сѣвера нивы, невольно преклоняешься передъ тѣмъ колоссальнымъ трудомъ, который мужикъ и его семья затрачиваютъ, добываясь болѣе или менѣе безбѣднаго существованія. Благіе результаты этого на лицо: стоитъ только сравнить, хотя бы по внѣшнему виду, деревни, положимъ, Лужскаго уѣзда Петербургской губерніи съ деревнями Псковскаго уѣзда Псковской губерніи: небо и земля...

Въ праздничные дни мнѣ приходилось наблюдать цѣлыя толпы крестьянъ всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, длинной вереницей тянувшихся на десятки верстъ къ богатому древними святынями Пскову на поклоненіе.

Въ заключеніе нельзя не подчеркнуть еще разъ очень приличное поведеніе крестьянской молодежи, что онять-таки особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи съ Петербургской губер-

ней. Пожалѣть приходится объ одномъ, что поставленное на сравнительно широкую для крестьянства ногу молочное хозяйство псковичей ведется самымъ примитивнымъ способомъ, въ то время, какъ то же хозяйство у чухонъ и другихъ инородцевъ носить слѣды культуры.

Послѣ почти мѣсячнаго пребыванія на чистомъ, здоровомъ, деревенскомъ воздухѣ, вы снова подъѣзжаете къ промозглой, закопѣлой и преисполненной всякихъ неприятныхъ запаховъ столицѣ. Черной тучей носится надъ ней ѣдкая, назойливая пыль и удушливый дымъ изъ фабричныхъ трубъ, гордо высящихся на громадной площади, на которой раскинулась «сѣверная красавица». Прямо изъ вагона вы попадаете подъ полумрачный навѣсъ Варшавскаго вокзала, гдѣ васъ оглушаетъ вопль «представителей» всевозможныхъ гостиницъ, назойливо осаждающихъ выходящихъ изъ поѣзда пассажировъ. Но вы торжествуете, что вамъ не нужно обращаться къ услугамъ этихъ шакаловъ. Вотъ вы уже и на извозчикѣ, таксометръ котораго, еще до начала предстоящаго долгаго путешествія по грязнымъ, смраднымъ улицамъ столицы, уже показываетъ почему-то: «плата—15 к.» и «приплата—15 к.» Тронулись по безконечно длинному Обводному каналу, особенно поражающему васъ, привыкшаго къ дѣвственной чистотѣ полей, своею неряшливостью, пылью, вонью, сутолокой, неприличной руганью тяжеловозовъ и фабричныхъ рабочихъ. Духота стоитъ неимоверная. По пути встрѣчается все кака-то сѣрая публика, большей частью выходящая изъ безчисленныхъ пивныхъ, полупивныхъ и кабаковъ. Наконецъ, передъ вашими глазами лишенная всякой листвы, но почему-то еще гордо высящіяся деревья грязной и суетливой Лиговки. Толпы рабочихъ обоихъ половъ безконечными рядами и безобразными группами расположились вдоль всей аллеи. Солнце уже склоняется къ стѣсненному громадными зданіями горизонту, а сѣрая, разнузданная толпа старательно пропиваетъ свои потомъ и кровью добытые гроши. Рѣдкій изъ этихъ представителей рабочаго класса, изможденныхъ тяжелымъ трудомъ и безпросыпнымъ пьянствомъ, не имѣетъ въ рукѣ бутылки монопольки, высоко запрокинутой вверхъ надъ головой. А женщины... Нѣтъ ужъ лучше о нихъ не говорить...

Невольно сравниваешь этотъ угаръ съ жизнью деревни, гдѣ тоже трудъ, трудъ, быть можетъ, не легче фабричнаго, но гдѣ люди всетаки еще сохраняютъ человѣческій обликъ, тѣ самые люди, которыхъ не коснулась разухабистая культура, усвоенная

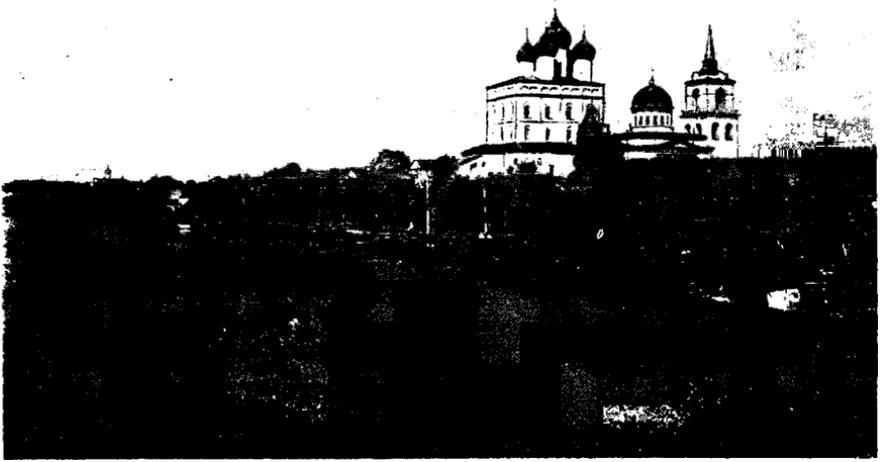
распустившимися обитателями грязныхъ окраинъ и подваловъ громадной столицы. Невольно останавливаешься надъ вопросомъ: неужели это тѣ же люди, которые такъ пріѣтливо, ласково провожали васъ нѣсколько часовъ тому назадъ изъ скромной русской деревни?... А извозчикъ все тащить и тащить по грязнымъ закоулкамъ, объѣзжая наполовину разрушенныя улицы, пока не довести васъ до вашей квартиры. И здѣсь, какъ всюду, мостовая разобрана; на домѣ, на высотѣ 5-го этажа, виситъ корзина со штукатурами; флегматичный швейцарь, оживляющійся лишь единожды въ мѣсяць, дремлетъ на порогѣ подъѣзда...

Молодцеватый ямщикъ лихо управляя своей тройкой, умѣло лавируетъ между еще невысохшими лужами и громадными выбоинами. Дорогъ еще нѣтъ, а темныя тучи снова надвигаются изъ-за Дона, серебристой лентой блестящаго вправо отъ насъ. Пышная яркая зелень травъ и хлѣбовъ ласкаетъ взоръ, а разбросанные тамъ и сямъ по посѣвамъ хлѣба большіе желтые квадраты напоминаютъ, что еще день, другой и пора братья за уборку ячменя. Воздухъ оглашаютъ своими пѣснями жаворонки, а хлопотливые перепела настойчиво выбиваютъ: «пытъ падай, пыть падай, хававъ, хававъ». Красавецъ коршунъ, плавно описывая громадные круги, злобно посвистываетъ, высматривая свою добычу. А вотъ стая утокъ осторожно спускается на небольшое озерцо, поросшее толчимъ камышомъ. Въ степи въ разныхъ краяхъ видны стада, тянуція къ станицамъ. Но вотъ и родная станица выглядываетъ изъ зелени садовъ съ гордо высящимся надъ нею столѣтнимъ храмомъ. Замелькали знакомыя лица, знакомыя улицы, знакомыя курени...

— Плохо, ваше б—іе, съ погодой, жаловался, черезъ часъ послѣ моего пріѣзда домой, сосѣдъ-казакъ: вѣдь вы смотрите, нынче 22 іюня, а мы еще сѣна не убирали. Ну виданное ли это дѣло? Передъ вашимъ пріѣздомъ дождь дней 10 лилъ, а теперь опять вонъ туча заходитъ. Въ займищѣ второй разливъ образовался; травы только въ это воскресенье подѣлили, а вѣдь тамъ и ячменя подходятъ. А на садахъ что повадѣлала вода—какіе кусты винограда съ корнемъ повырыла! Просто ужась!

— Ну, а какъ урожай? Ждете?

— Да, какъ выйдетъ дальше—одному Богу извѣстно, а пока ничего. Есть кой-гдѣ кулигами хлѣбецъ—жарой поприхватило, зачернѣлъ, скирчился, а вообще хорошо. Что бѣда, такъ это овсюкъ проклятый забилъ хлѣбъ.

Видъ на Троицкій соборъ и дѣтинець съ моста черезъ р. Великую.

Распространенный типъ старыхъ колоколенъ (звонницъ).

— Да что же вы съ нимъ не боретесь?

— А вотъ и знаешь какъ дѣлать надо, да все какъ-то душа не налегаетъ хлѣбъ-то на траву косить. Все думаешь—авось Богъ поможетъ что-нибудь собрать.

— Ну, а кто-нибудь у насъ въ станицѣ пробовалъ выводить-то овсюкъ?

— Да выводили и добились, что хлѣбъ былъ чистый, ну, а въ прошломъ году у насъ передѣлъ земли былъ; обрадовались тѣ, кому попалась выработанная земля, да не надолго.

— А что?

— Да можете себѣ представить, ваше б-іе, вотъ Чичика изволите знать? у него земля-то была какая хорошая—овсюка ни былинки, а какъ она попала другому, опять эта дрянъ пошла.

— Откуда же онъ взялся?

— Да ничѣмъ другимъ не объяснить, что Чичикъ человекъ то злой; ну, значить, и разбросалъ овсюкъ, какъ только земля другому досталась.

— Не можетъ быть!

— Иначе ничего и не придумаешь, ваше б—іе; народъ сталъ хуже звѣря. По садамъ, на хатахъ замковъ хоть и не вѣшай—все равно посбиваютъ. Вотъ у вашихъ-то на саду замокъ въ конюшнѣ нутреной; отомкнуть его не могутъ и сломать несручно, такъ они крышу подняли.

— Да, мнѣ говорили уже.

— Прямо бѣда стала! И ничего не подѣлаешь. Атаманъ теперь у насъ въ станицѣ дѣльный попался, да что же онъ съ этой рванью подѣлаеть?! Укарауль-то ихъ.

— Ну, а сады-то какъ?

— Сады бы всѣмъ ничего, а всетаки прибаливаютъ.

— Что же вы ихъ не лечите?

— Теперь ужъ начинаютъ понемногу. Вѣдь вотъ, какъ ваши-то начали впервые опрыскивать виноградъ, такъ всѣ смѣялись, да не вѣрили, а на дѣлѣ-то вышло хорошо. Мы хотимъ ничего не дѣлать и урожая ждемъ, а урожай, сами знаете, какіе: не только винограда или хлѣба безъ труда не дождешься, а и все кругомъ пропадаетъ. Вѣдь вотъ посмотрите на займище: бывало камышъ стоитъ словно лѣсъ, зимой волки воютъ, а теперь остатки жалкіе. Травъ степныхъ ужъ сколько лѣтъ не видѣли—не будь нашего займища, хоть волкомъ вой.

Изъ шести дней, проведенныхъ мною на Дону, четверо сутокъ лилъ дождь. Такъ я и уѣхалъ подь печальныя жалобы станичниковъ на капризы природы.

Прямо съ Дона попадаю въ Гатчину. Здѣсь невольно тянетъ на аэродромъ, гдѣ привѣтливо раздается размѣренное постукиваніе моторовъ и заунывное завываніе пропеллеровъ. Какъ гигантскія птицы, красавцы Фарманы шныряютъ въ воздухѣ въ различныхъ направленіяхъ. Веселыя, оживленныя лица офицеровъ-летчиковъ, посвятившихъ себя новому захватывающему своей мощностью дѣлу, дышать спокойствіемъ, увѣренностью и рѣшимостью работать на пользу уже родного имъ дѣла. При одномъ взглядѣ на парящіе въ воздухѣ аппараты, на то поразительное спокойствіе, съ какимъ отдѣляющійся отъ земли летчикъ дѣлаетъ повелительный жестъ командъ о выпускѣ изъ рукъ вырывающейся чудовищной птицы, вы невольно проникаетесь увѣренностью, что это дѣло, еще такъ недавно бывшее у насъ на Руси почти новинкой, становится на прочную почву, и, какъ бы подтвержденіемъ этой увѣренности, являются успѣшные полеты нашихъ воздухоплателей, держащихъ курсъ съ юга на дальній сѣверъ. Да, славная, захватывающая работа и хотя она, какъ всякое опасное дѣло, и вырываетъ изъ рядовъ нашихъ воздухоплателей жертвы, но рѣшимость ихъ и неустанная работа принесутъ обильные плоды въ ихъ трудномъ дѣлѣ.

Б. Добрынинъ.

